

По полянам и болотам

Повесть о войне с
семинолами

Керк Монро

Керк Монро

**По полянам и болотам.
Повесть о войне с семинолами**

«Автор»

2023

Монро К.

По полянам и болотам. Повесть о войне с семинолами /
К. Монро — «Автор», 2023

Главный герой повести - Коакучи, после смерти Оцеолы возглавивший борьбу семинолов за право оставаться на своей земле .

Керк Монро

По полянам и болотам.

Повесть о войне с семинолами

К моим читателям

Основные события истории Коакучи, изложенные на следующих страницах, исторически достоверны. Война с семинолами, самая продолжительная из всех, которые Соединенные Штаты вели с индейцами, продолжалась с 1835 по 1842 год. По ее завершении, хотя большая часть племени была переселена на индейскую территорию на дальнем западе, там все же остался триста один человек, избежавших плена и непокорившихся. Они нашли убежище на одном из малодоступных островов в Большом Кипарисовом болоте, на самом юге Флориды. Не желая тратить силы на войну с ними, генерал Уорт заключил с ними *устную* договоренность о том, что они смогут оставаться в этой части страны до тех пор, пока не станут проявлять агрессии. С этого времени они соблюдали условия этого договора, ведя простую мирную жизнь и избегая без необходимости контактов с белыми. Сейчас их насчитывается около пятисот человек, но приток белых иммигрантов постоянно сужает неопределенные границы их резервации, потому что белые захватчики, проникая вглубь болот, захватывают плодородные острова и приказывают им убраться. Они приходят в отчаяние от происходящего. Куда им идти? Что с ними будет? Что остается им, кроме как сражаться и умирать? Я другого выхода не вижу.

Кирк Монро

Залив Бискайн, Флорида, 1896 год.

Глава

I

Кусочек флоридских дебрей

Все это было во Флориде, прекрасной южной земле, на которой, как полагал Понсе де Леон, находится источник вечной юности. Это земля песен и историй, поэзии и романтики, но также и горьких воспоминаний и постыдных поступков. Ее необычная привлекательность стала ее проклятием, и долгие годы ее исконные обитатели, любившую эту страну не меньше жизни, отчаянно сражались против захватчиков, желавших прогнать их с этой залитой солнцем земли.

Хотя зима во Флориде малозаметна, но все же здесь, как и везде, весна – лучшее и самое радостное время года, и рассказ этот начинается как раз вечером прекрасного апрельского дня.

Теплый воздух чуть колебался от вечернего бриза, принесенного с безбрежного моря, покрасневшее солнце готово было опуститься в гладкую поверхность Мексиканского залива. Из леса доносился сладкий аромат желтого жасмина, дикого винограда и цветков карликовой пальмы, мешавшиеся с ароматами цветков апельсина, магнолии и сладкого лавра. Прекрасные бабочки вились над гамаком, ища место ночного отдыха на листьях апельсиновых деревьев. Колибри, словно живые драгоценности, летали от цветка к цветку, пчелы, желтые от пыльцы и нагруженные нектаром, несли свой груз в далекие ульи. Из густых кустов доносилась радостная песня пересмешника, который тем самым невольно раскрывал местонахождение своего тайного гнезда. Стайка попугаев, поблескивая зеленым и золотистым оперением, перепархивала с ветки на ветку и болтала о своих делах, а вдали стаи белоснежных ибисов и белых кроншнепов поднимались, словно ключья тумана, от полных корма соленых отмелей дальнего берега

до кипарисовых болот вокруг извилистой Оклавахи. Некоторые из этих порхающих стай отличали розовым, что указывало на присутствие в них розовых крачек, и их быстрые движения на фоне темно-голубого неба в свете заходящего солнца были очень красивыми.

Среди всего этого изобилия самых прекрасных созданий природы, на всех видимых просторах плодородной саванны, сосновых лесов, не изрезанных тропинками и не знавших топора лесоруба, и покрытых легкой рябью озер, которые можно было увидеть с небольшого возвышения, видно было только одного человека. Юноша, едва вышедший из детского возраста, стоял на краю леса, где местность полого спускалась к небольшому озеру с кристально чистой водой. На нем была свободная рубашка из оленьей кожи, какие обычно нося охотники, перехваченную на талии кушаком из ярко-красного шелка. На нем висел нож с роговой рукояткой, украшенной серебряными накладками, в ножнах из змеиной кожи. Волосы его, черные и блестящие, словно вороново крыло, были перехвачены шелковой повязкой того же цвета, что и кушак. Белоснежное перо цапли, воткнутое в волосы, было знаком его положения среди его народа. На нем были расшитые леггинсы из дубленой оленьей кожи и мокасины из того же материала. Лицо его было красивым, с четко вырезанными чертами, но лицо его выражало задумчивость, свойственную скорее студентам, а не лесным бродягам. Юноша и был по натуре студентом и мечтателем, не познавшим еще суровых реалий жизни, но то, что тайны книг ему незнакомы, можно было легко понять при взгляде на его кожу. Она имела оттенок меди, свойственный новой бронзе, потому что Коакучи (Дикий Котенок) принадлежал к самому южному из племен индейцев Северной Америки, семинолам из Флориды. Хоть он и был индейцем, но по рождению принадлежал к знати и происходил из семейства вождей – он был старшим сыном Филипа Эматлы (вождя Филипа), или короля Филипа, как именовали его белые, и однажды должен был стать предводителем своего племени.

Теперь, когда юноша стоял, опершись на легкое ружье, и смотрел на стаи птиц, вернувшихся после зимовки, порхавших в краснеющем небе, выражение его лица было отсутствующим, словно то, о чем он думал, было недоступно его зрению. Это было неудивительно, ведь всем Коакучи известен был как мечтатель, который многие часы готов был проводить у костра, пересказывая свои сны или сказки своего народа. Но он был не только мечтателем и рассказчиком, но и видевшим вещие сны, один из которых, к примеру, точно указал ему, когда смерть заберет его любимую сестру-двойняшку, Аллалу.

В то время Коакучи был за много миль от поселка своего отца, охотясь вместе со своим младшим братом, Оталком. Однажды ночью, когда они спали, старший брат вскочил со своего ложа из пальмовых листьев, потому что голос Аллалы звучал в его ушах. Вокруг было тихо, и Оталк спокойно лежал рядом. Когда удивленный юноша и готов был лечь обратно, снова прозвучало его имя, произнесенное тихо, но ясно, голосом Аллалы, словно в этот миг она была рядом с ним.

Это был зов, пренебречь которым он не осмеливался, поэтому, не став будить Оталка, юный охотник вскочил на своего пони и скакал всю ночь при свете луны. На рассвете он стоял перед мертвым телом своей дорогой сестры, отлетевший дух которой звал его.

С того времени он часто слышал голос Аллалы в ветре, шепчущем в высокой траве на равнинах или среди ирисов, колышущихся над речными берегами, в волнах, набегавших на берег озера, в тенистых низинах саванны и в тихом дыхании кипарисовых болот. Он слышал его в пении иволги и в ворковании лесных глубей. Коакучи казалось, что она все время рядом с ним, и временами ему казалось, что он скоро присоединится к ней. Но он знал, что должен набраться терпения и ждать явления Великого Духа, потому что он верил в то, что час его смерти определен в час его рождения. Знал он и то, что до назначенного часа переживет все опасности, не получив ни царапины. Он чувствовал, что Аллала следит за ним и предупредит его о угрозе смерти или большой опасности. Убежденный в этом, он совершенно не боялся

опасностей, видимых и невидимых, и, хотя и был он мечтателем, все же часто удивлял своих товарищей поступками столь смелыми, что порой они граничили с безумием.

В тот момент, когда он впервые был представлен читателю, Коакучи, освещенный заходящим солнцем, размышлял о том, красивее ли то место, куда ушла Аллалы, того, где сейчас находится он сам.

Хотя людей с ним рядом не было, он все же был не один, потому что рядом с ним лежал Ал-уи (Высокий), лохматая шотландская борзая, которую он спас три года назад при крушении английского корабля, которое произошло у пустынного побережья более чем в ста милях от ближайшего поселения. Коакучи с несколькими друзьями в то время искали на берегу черепахи яйца и, поднявшись на борт разбитого судна, обнаружили, что единственным его обитателем был щенок, полумертвый от голода. Мальчик забрал его себе, вернул его к жизни, вылечил от всех болезней, какие бывают у щенков, и вознагражден был тем, что спасенный им несчастный щенок стал прекрасным псом, который сейчас лежал с ним рядом, сила и ум которого во всей Флориде прежде не встречались. Любовь большой собаки к своему юному хозяину была такой, что вызывала трогательное умиление, а сам Коакучи относился к нему так же, как к своему лучшему другу.

Друга этого, юношу того же возраста, звали Луис Пачеко, и он не был индеец, как не был и бледнолицым. Он был сыном испанского плантатора, выращивавшего индиго, и прекрасной окторонки¹, получившей свободу до рождения ее мальчика. Сеньор Пачеко, плантация которого располагалась рядом с землей Короля Филипа, всегда поддерживал самые дружеские отношения со своими индейскими соседями, и у Луиса, как и у Коакучи, была одна сестра; эти четверо с самого детства были самыми близкими друзьями.

После смерти плантатора его семейство перебралось в небольшое поместье, принадлежавшее его матери, на реке Тамока, примерно в пятидесяти милях от их прежнего дома, но это никак не повлияло на их дружбу с краснокожими, жившими у озера. Юные члены семейств часто навещали друг друга, и, когда Аллала ушла в страну духов, никто не оплакивал ее так долго и так искренне, как Луис и Нита Пачеко.

Луис, благодаря отцу получивший хорошее образование, научил Коакучи говорить и по-английски, и по-испански в обмен на уроки жизни в лесу и работы с деревом. Юный креол гордился своим происхождением, как и сын Филипа Эматлы, и держался как человек, рожденный свободным и независимым.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как они с Коакучи виделись в последний раз, и в тот момент, когда мы с ним познакомились, последний думал о своем друге и мечтал встретиться с ним. Казалось, что мысли эти внушены ему были некоторыми признаками близкого присутствия друга, и юноша в этом не сомневался до того самого момента, как Ал-уи с громким лаем вскочил и рванулся в чашу за его спиной. Одновременно молодой индеец услышал свое имя, произнесенное тихим голосом, и, мгновенно обернувшись, увидел белое, с дикими глазами лицо, которое сразу узнал. Ал-уи успел только раз дружелюбно гавкнуть прежде, чем его молодой хозяин стоял рядом с ним, держа в руках обмякшее тело Ниты Пачеко.

Глава

II

Подлые планы Трапа Джефферса

Для полного понимания того, что так резко прервало мечтания молодого индейца, нужно предпринять небольшое путешествие в темные извилины истории, которые, хотя сейчас за давностью забыты, в то время были свежи и представляли живой интерес для тех, за чьими приключениями мы станем следить.

На тот момент Флорида совсем недавно была приобретена Соединенными Штатами у Испании за пять миллионов долларов, и ее пустующие земли были открыты для поселения.

Среди всех наших владений земли эти были ближе всего к тропикам, что предполагало возможности, которые нельзя было найти в других частях нашей страны, поэтому поселенцы хлынули туда со всех сторон. Поскольку испанцы занимали только несколько пунктов на побережье, внутренние местности оставались в полном владении семинолов и их чернокожих союзников. Предки тих негров были рабами, бежавшими от своих хозяев, они искали убежища в этих прекрасных диких местах и нашли его там. По испанским законам они становились свободными в тот момент, когда переходили линию границы, и несколько поколений их потомков жили в мире и благоденствии.

С переменой хозяина для исконных обитателей этой солнечной земли настали печальные времена. Многочисленные поселенцы бросали жадные взгляды на плодородные земли семинолов и намеревались завладеть ими. Они также намеревались обратить в рабство чернокожих союзников и друзей индейцев, которые, как оказалось, наслаждались свободой и благосостоянием, что было в разительном противоречии с тем, что происходило в остальной части страны. Рабство было в стране совершенно законным институтом. Поселенцы с молоком матери впитали мысль о том, что чернокожие были созданы для того, чтобы быть рабами белых и трудиться для их выгоды. Поэтому смотреть на то, как небольшие общины чернокожих живут свободно и работают только для себя, своих жен и детей, было для белых невыносимо. Рабы нужны были, чтобы вырубать леса, распахивать землю, и для этой работы их нужны были сотни, а то и тысячи. Поселки этих негров и их индейских союзников были также и убежищем для негров, постоянно бежавших из рабовладельческих штатов в поисках свободы, которую конституция Соединенных Штатов гарантировала всем людям. Такое положение дел было невыносимым. И индейцам, и свободным неграм Флориды следовало преподать урок.

Генерал Эндрю Джексон выбран был стать тем, кто этот урок преподаст, и он рьяно взялся за выполнение этой непростой задачи. Войдя в Флориду во главе армии, он убивал всех встреченных индейцев, убивал или брал в плен всех встреченных негров, сжигал поселки, уничтожал посева, и, наконец, покинул опустошенную страну с огромным количеством награбленного, состоявшего в основном из рабов и скота.

Чтобы еще более припугнуть индейцев, генерал Джексон поднял на американском судне, стоявшем в заливе Аппалачикола, британский флаг, надеясь завлечь некоторых из них на борт. Двое из вождей семинолов, поддавшись этому трусливому обману, решили посетить корабль, который приняли за британский. Когда они оказались на борту, который считали безопасным, флаг его величества был спущен, вместо него поднят был флаг Соединенных Штатов, и под ним двое доверчивых гостей без суда и без задержек были повешены на нок-рее.

После этого генерал Джексон призвал индейцев собраться у него, чтобы подписать договор, но они боялись его вероломства и не решались. Наконец примерно тридцать вождей из всего племени преодолели свой страх и встретились с правительственным комиссаром. Был подписан договор, в соответствии с которым от семинолов требовалось покинуть свои дома, селения, поля и охотничьи угодья в северной части их земель и перебраться в далекие южные дебри, где они могли бы освоить новые земли и построить новые дома. Племя также обязалось запретить проход через свою страну всех беглых рабов и выдать всех оказавшихся среди них разыскиваемых беглецов тому, кто предъявит право собственности на них.

Соединенные Штаты, со своей стороны, обещали компенсировать индейцам то, что им приходится оставить – пять тысяч долларов в год деньгами и товарами на протяжении двадцати лет, кормить их в течение года и построить им школы.

С подписанием этого договора начались настоящие трудности и испытания для семинолов. Из своих домов они были практически выгнаны – столь велико было желание белых завладеть их плодородными землями. Большую часть обещанной им еды они не получили, так что им пришлось голодать, пока не были расчищены и засеяны новые поля на юге. Предоставленные им товары были столь низкого качества, что они отказывались от них или просто

выбрасывали, а деньги под тем или иным предлогом задерживали. Самым главным предлогом подобного отношения к индейцам было то, что они не проявляли должной активности в выдаче негров, нашедших убежище на их землях.

Любой белый по своему усмотрению мог дать описание любого негра, живущего у семиннов, предъявить индейскому агенту право собственности на него. Последний предъявлял индейцам требование выдать его – в противном случае его стоимость вычиталась из их ежегодных выплат. Так свободолюбивые дикари скоро поняли, что в соответствии с тем, как белые трактуют условия договора, они берут на себя обязательство выдать, обрекая тем самым на рабство, любого мужчину, женщину и ребенка, в чьих жилах текла хоть капля негритянской крови, иногда включая своих собственных жен и детей, что они совершенно естественно отказывались выполнять.

Хотя Филип Эматла всячески старался не допускать открытого разрыва с белыми, некоторые последние происшествия сильно его беспокоили. Во время его последней поездки в Сан-Августин, чтобы получить деньги, причитавшиеся его клану, он случайно встретил Коакучи и Луи Пачеко, который в то время навещал своего друга, которые упростили его позволить к нему присоединиться. Индейцы встали лагерем недалеко от города, но им было позволено ходить по городским улицам при дневном свете – этим разрешением юноши воспользовались в полной мере. Каждый день пребывания там они исследовали старинный город и Луис, который прежде бывал здесь со своим отцом, показывал его достопримечательности менее опытным путешественникам.

Массивные серые стены форта Сан-Марко, с высоким башнями и черными пушками, высовывающимися из глубоких амбразур, произвели огромное впечатление на Коакучи, и, казалось, они никогда не устанет на них смотреть. Из внутренних же помещений он выходил, испытывая чувство ужаса, отказываясь даже заглядывать в камеры и темницы, на которые Луис хотел обратить его внимание.

Так что Дикий Кот торопливо вытащил своего друга из этого угрюмого места, и смог вздохнуть полной грудью, только когда они снова оказались на залитых солнцем полях. Намного более понравилось ему внутреннее убранство старинного собора, и он много времени провел, разглядывая украшавшие его фрески с религиозными сюжетами. Звучавшая в нем музыка и сияние свечей на богато украшенном алтаре произвело на него такое впечатление, что даже когда они вышли из него и стояли на площади, слушая колокольный звон, он долго оставался безмолвным.

Луи тоже занят был своими собственными мыслями, и, пока юноши так стояли, они не обращали внимания на то любопытство, с которым их разглядывают двое мужчин, которые несколько раз прошли мимо них. Одни из них, по имени Трап Джефферс, был работником, который быстро среагировал на то, какие возможности сулит существующий порядок, а точнее беспорядок, в отношениях с семиннами. Другой, известный как Росс Раффин, хотя вряд ли это было его настоящее имя, был одним из тех беспринципных негодяев, которых встретить можно на любой границе, всегда готовых за деньги взяться за самую грязную работу, словно самые грязные хищники, и которых за это обычно называют людьми-шакалами. С этим шакалом в человеческом облике мистер Трап Джефферс провернул не одно дельце, и понял, что тот прекрасно соответствует требованиям, предъявляемым для столь грязной работы.

– Симпатичные ребята, – заметил работник, кивнув в сторону пары, когда впервые их заметил. – Жаль, что они инджуны. Еще хуже, что инджуны не могут быть имуществом. По мне, так нет большой разницы между ними и ниггерами. А если бы этих двоих выставить на хорошем рынке...

Тут торговец прервался, чтобы получше рассмотреть юношей и поточнее определить их цену.

– Бог мой! – воскликнул он. – Готов поклясться, что один из них индjun!

– Нет, – ответил его поделщик, – один из них ниггер. Во всяком случае, по матери.

– Ты не путаешь? – спросил мистер Трап, и глаза его загорелись, как у охотника на людей, зашедшего добычу. – Кому он принадлежит?

– Сейчас никому. По крайней мере, он себя называет свободным. Живет он со своей матерью и сестрой в стране инджунов. Надо прикинуть, какие у нас шансы.

– Скажи мне все, что о нем знаешь, – скомандовал торговец голосом, дрожащим от возбуждения, и злобный блеск в его глазах разгорелся сильнее.

Когда Росс Раффин рассказал историю и существующее состояние семью Пачеко, как он его знал, тот воскликнул:

– Я ими займусь! И лучшего для нас и быть не может. Агент сейчас в городе. Я сделаю их описание и представлю ему сегодня же вечером. Мы возьмем всех трех. Прихвати этого бычка, пока он не скрылся. Тогда остальное будет проще. Доставить всю троицу на берег будет просто, как бревно прикатить. Быстренько продадим, получим денежки – во и все дела. И тебя не обижу. Все будет по-честному. Дело верное? Тогда действуем.

Так, в течение пяти минут, пока ничего не подозревающие юноши в полном молчании слушали звон колоколов старого собора, против них составлен был заговор, более подлый, чем они могли себе представить. Это было только первое звено в цепи событий, определивших всю их дальнейшую жизнь и на долгие годы ввергших их в круговорот жестоких испытаний.

Глава

III

Охотники за рабами берутся за дело

Следующий день тоже прошел для Коакучи и Луиса за осмотром диковинок маленького городка, каждый вид и звук которого вызывал у них большой интерес – все им было в новинку. Наконец, в ранних вечерних сумерках, они направились в лагерь Филипа Эматлы, болтая по пути о том, что им пришлось увидеть. Они были столь поглощены разговором, что почти не обращали внимания на то, что их окружает, и, когда вышли за пределы города, услышали команду остановиться от мужчины, который незаметно приблизился к ним. Это был Трап Джефферс, охотник за рабами, который давно следил за юношами и ждал только случая исполнить свой мерзкий план.

– Как твое имя? – спросил он, встав прямо перед молодым креолом.

– Луис Пачеко.

– Точно. Сын старого Пачеко и ниггерской женщины, и сам ниггер. Мой ниггер, проданный мне твоим отцом перед тем, как он умер. Я тебя забираю, прямо сейчас. Пойдем со мной.

– Ничего подобного я не сделаю! – с жаром воскликнул юноша. – Когда ты говоришь, что я твой раб, или раб кого-то другого, ты лжешь. Моя мать была свободной женщиной, и я рожден был свободным. В этом я могу поклясться, и это подтвердит мой друг. Так что, сэр, посторонитесь и дайте мне пройти.

– Хо-хо! Черный петушок, – с издевкой ответил торговец; – ты хорошо заплатишь мне за эти слова, и скоро. Или ты думаешь, что клятва ниггера и инджуна что-то значит против слова белого, да? Или ты, дерьма кусок, не знаешь, что, когда белый берется за дело, то его слово перевесит слова всех инджунов и ниггеров в этой стране? Целое стадо таких не может присягать в суде Соединенных Штатов, и ты это быстро поймешь, как только попробуешь туда сунуться. Ты теперь моя собственность, и чем скорее ты это поймешь, тем для тебя будет лучше. Я отправил агенту свое требование, и оно было удовлетворено. Вот приказ инджунам, чтобы тебя выдали. Так что я советую тебе спокойно пойти со мной, если ты не хочешь получить кучу неприятностей. Возьми его, Росс!

Мистер Трап едва закончил говорить с юношами, когда подошел его поделщик, который до этого был немного позади него. Перейдя к действию, он схватил Луиса за одну руку, а Росс Раффин за другую.

Коакучи, мало знавший об обычаях белых, не сразу понял, что происходит, но, когда его друга схватили, страшная правда стала для него ясной. Его называли мечтателем, но никто не видел, как быстро он способен действовать, если того требовала обстановка. Росс Раффин был ближе к нему, и в тот миг, когда его рука коснулась Луиса, сверкнула сталь. В следующий миг острый охотничий нож Коакучи глубоко вонзился в руку мужчины чуть ниже плеча.

С криком боли и ужаса шакал разжал схватку. Луис сам вырвался от другого противника, и в тот же миг двое юношей со скоростью напуганных оленей побежали в сторону своего лагеря, а у них за спиной раздался не причинивший им вреда пистолетный выстрел.

Через несколько минут они уже были в лагере, достали свои ружья, рассказали королю Филипу о том, что только что произошло, пересекли Сан-Себастьян и пропали из виду в надвигающейся темноте на другом берегу.

Едва они убежали, как в Сан-Августине разразилась настоящая буря. Индеец осмелился поднять нож на белого человека, который всего лишь предъявил свои законные права на свою собственность, по праву ему принадлежащую. Индеец позволил сбежать рабу, хотя по договору он обязан был приложить все усилия, чтобы доставить его хозяину. Это было то, что невозможно было терпеть, виновные должны были быть немедленно наказаны.

Таким образом, в течение часа разъяренная толпа вооруженных горожан, возглавляемых Трапом Джефферсом, окружила лагерь Филипа Эматлы. Им противостояла горстка решительных воинов, готовых сражаться с яростью тигров, загнанных в ловушку, и, если бы не решительное вмешательство индейского агента, поторопившегося на место столкновения, оно началось бы здесь и сейчас. Чиновник убедил белых предоставить это дело ему, убеждая их в том, что индейцы обязательно оплатят должным образом за этот возмутительный случай и получат урок, который им долго не захочется повторять. Вначале горожане не хотели его слушать, но жадность торговца взяла верх, когда ему обещали щедро компенсировать его потерю, и он присоединил свой голос к голосу агента, после чего, наконец, возбужденная толпа разошлась.

Две тысячи долларов правительственных денег, предназначенных Королю Филипу и его людям, были сейчас в руках агента и должны были быть переданы на следующий день. Теперь чиновник поставил старого вождя перед выбором – выдать Коакучи, чтобы тот был наказан, а Луиса Пачеко тому, кто заявил на него право собственности, или же отказаться от денег, подписав расписку в том, что они получены сполна.

Выбор был нелегким. Потеря денег сулила Филипу Эматле и его людям новые проблемы с белыми, которым он задолжал за товары, взятые в долг под обещанные правительством выплаты. Старик знал, что кредиторы не проявят к нему милосердия, но отберут у него все то, до чего смогут дотянуться. Не ждал он и пощады для своего сына и Луиса Пачеко, если те окажутся в руках врагов.

Старый вождь долго молча сидел в растерянности, опустив голову, обдумывая сложившуюся ситуацию. Его воины, стоявшие рядом, смотрели на него с сочувствием. Наконец он решил предоставить решать им и спросил их совета.

В один голос, без колебаний, все ответили:

– Пусть исте-хатке (белые люди) оставят свои деньги себе. Мы сможем прожить без них, но, если хоть один волос упадет с головы Коакучи, сердца наши будут опечалены и никогда вновь не придет в них радость.

Так что Филип Эматла поставил свой знак на бумаге, которую положил перед ним агент, и на следующий день ему позволено было уйти с миром. Из денег, полученных от индейцев, двести долларов было уплачено за лечение раненой руки Росса Раффина и восемьсот долларов

на время удовлетворили притязания мистера Траппа Джефферса, работоторговца. Как сошелся баланс – нам неизвестно, потому что в книгах агента записей об этом не осталось.

Коакучи и Луис остановились в тени на опушке леса, и оставались там, готовясь побежать на помощь своим друзьям, если бы шум сражения сказал им о том, что на лагерь напали. Там они оставались всю ночь, и только на следующий день присоединились к отряду Филипа Эматлы, который возвращался домой. Когда они узнали, во что обошлась их свобода, то очень возмутились этим беззаконием.

Возмущение молодого креола соединялось с чувством глубокой благодарности, и он поклялся в том, что, если ему представится случай положить все свои силы, чтобы отплатить за это, он сделает это не задумываясь, как только потребуется, столько раз, сколько будет нужно. Теперь, чувствуя, что его свободе, за которую уплачено было так много, ничего не грозит, он решил вернуться в свой дом в Томоке, где он несколько месяцев посвятил работе на маленькой плантации, которая была единственной поддержкой для его сестры, матери и него самого. Все время, пока он упорно трудился, у него не было возможности связаться со своими индейскими друзьями, жившими у озера, но он часто думал о них, и сердце его билось чаще каждый раз при воспоминании о том, какой тяжкой доли смог он избежать благодаря им.

Полная повседневных забот жизнь в семейном доме в Томоке шла мирно и счастливо, пока однажды вечером не послышался робкий стук в дверь и слабый голос, говоривший на негритянском диалекте, попросил о помощи.

Луис, взяв свечу, открыл дверь, и, едва он это сделал, как получил сильный удар по голове, на некоторое время лишивший его чувств. Нита, бывшая в тот момент единственным обитателем дома, при виде этого издала пронзительный крик и хотела броситься к безжизненному телу брата, но двое белых, вошедших в комнату, грубо оттолкнули ее и, вытащив Луиса наружу, захлопнули дверь.

Один из этих белых – а это были знакомые нам злодеи Трап Джефферс и Росс Раффин – связал руки бесчувственного юноши у него за спиной, а другой приказал Ните принести им еды, угрожая при отказе убить ее брата у нее на глазах. Испуганная девушка поторопилась повиноваться, но, пока она трясущимися руками выставляла на стол то, что было в доме, в ее голове вспыхнула отчаянная мысль о том, как можно убежать и спастись. Ее матери не было дома, она ушла, чтобы ухаживать за умирающим ребенком ее ближайших соседей – негритянской семьи, жившей немного ниже по реке.

Пока девушка обдумывала этот план, стараясь скрыть за видимой активностью свои мысли, работоторговцы плескали воду в лицо ее брату и разными иными способами пытались привести его в чувство, что им, наконец, удалось.

Придя в себя, обнаружив, в каком положении он оказался и признав людей, которые обошлись с ним столь недостойно, он потребовал, чтобы они освободили его, сказав, что он рожден свободным, и, даже если это не так, цены его свободы оплачена в многократном размере деньгами, от которых отказался Филип Эматла.

– Нет, парень, ты не свободный, и скоро ты это узнаешь, – с ухмылкой сказал Трап Джефферс. – Ты имущество, да. Ты рожден был имуществом, и всегда будешь имуществом. Сейчас ты мое имущество, и будешь моим, пока я не отведу тебя на рынок, где за тебя дадут хорошую цену. А что касается денег, которые отдал этот старый инджунский дурень, так их недостаточно даже для того, чтобы возместить удар, который этот дикий кот нанес моему другу, ему вот, и за нанесенное мне оскорбление. За это ты не расплатишься. Так что захлопни пасть и спокойно иди с нами, или тебе будет очень несладко. Все слышал?

– Но мой отец был белым, моя мать была свободной женщиной, и я был рожден...

– Молчать! Кому сказано! – с яростью крикнул работоторговец.

Надеясь быть услышанным, юноша снова открыл рот, чтобы говорить, когда с яростным ревом этот скот подскочил к нему и несколько раз ударил ногой, обутой в грубый сапог из бычьей кожи, чтобы заставить его замолчать.

Когда внимание белых было этим отвлечено, Нита смогла незамеченной проскользнуть через заднюю дверь. Быстро, подстегиваемая отчаянием, бежала она по тенистой лесной тропинке, ведущей к соседской хижине, до которой было четверть мили. Там она надеялась получить помощь в спасении брата. Добравшись до нее, она в отчаянии обнаружила, что там темно и пусто. Двери ее были широко распахнуты, и на свой испуганный зов девушка ответа не получила.

Глава

IV

Пленение и побег Ниты Пачеко

С минуту Нита, дрожа от ужаса и возбуждения, стояла, не зная что делать. Потом, заметив в очаге несколько горящих угольков, она нашла щепку из смолистой сосны и сунула туда. Когда та разгорелась, ее яркий свет осветил комнату, наполнив сердце девушки отчаянием и рассказав ей печальную историю – ребенок, за которым в тот вечер присматривала ее мать, лежал мертвым на единственной в комнате кровати. Вся остальная мебель была перевернута и поломана, и весь вид комнаты говорил о том, что она была местом яростной схватки.

Нита напрасно искала следы своей матери. Было совершенно очевидно, что охотники за рабами были здесь, захватили всех, кого там нашли, и увели их в безопасное место перед тем, как заявиться в дом Пачеко. С болью в душе, не понимая, что делать, бедная девушка вышла из хижины. Едва она шагнула за порог, как ее схватили чьи-то сильные руки, и хриплым голосом, который она признала – он принадлежал одному из тех, кто схватил Луиса – воскликнул:

– Что, девчонка, думала провести нас и ускользнуть, да? И братцу помочь? Знаем мы эти штучки, от нас так просто не уйдешь. Я-то сразу понял, куда ты побежишь, как только увидел, что ты удрала, и пошел за тобой. Так что теперь успокойся и иди с нами. Мы подберем для тебя местечко, где тебе найдется хорошее занятие и где жить тебе будет лучше, чем в этой богом забытой глуши.

Говоря все это, человек, крепко держа девушку за руку, вел ее назад по той же тропе, по которой она прибежала. Они ничего не говорили после того, как издала крик ужаса в тот момент, когда мужчина схватил ее, и теперь она шла с ним рядом, не сопротивляясь, так что тот решил, что дух ее сломлен и она оставила всякие мысли о побеге.

Ночь была очень темной, и Раффин, идя по незнакомой узкой тропинке, с трудом нащупывал дорогу. Вдруг, когда он случайно сошел с нее, его нога зацепилась за корень и он упал лицом на землю, при падении выпустив руку девушки. Она тут же побежала. Ее легкие шаги были почти бесшумны и не позволяли определить выбранное ею направление, и только лесное это отвечало на проклятия мужчины и приказы вернуться.

Для охотников за рабами дорога была каждая минута, а преследовать убежавшую девушку было задачей безнадежной. Росс Раффин это сразу понял и в ярости, проклиная все на свете, отправился к тому месту на реке, где была небольшая лодка, в которой лежал Луис, по-прежнему связанный и беспомощный. Трап Джефферс с нетерпением ждал его. Не выбирая выражений, тот обругал своего дружка за то, что он упустил девушку, и пришел в такую ярость, что дело едва не закончилось кровопролитием. Наконец их общий интерес возобладал над обоюдной неприязнью и заставил обоих умерить свой гнев и вспомнить о том, что уже захваченные пленники, включая Луиса, его мать и семью их соседей-негров уже обещают хорошую прибыль. Так они пустились в путь, вниз по темной реке, направляясь к небольшой шхуне, которая под охраной еще двух белых ожидала их в устье.

Луис услышал рассказ Раффина о побеге сестры и порадовался тому, что ей удалось избежать его судьбы. Когда лодка, в которой он лежал, вышла из устья реки, до него донесся звук дорогого голоса, который он не мог бы услышать никогда более. Это был отчаянный прощальный крик его сестры, которую он любил больше жизни. С огромным усилием пленник смог сесть.

– Прощай, Нита! – крикнул он. – Господь благословит...

Тут его крик был прерван сильным ударом по лицу. Одновременно на лодке блеснула вспышка, и пуля, выпущенная из ружья, полетела через лес в том направлении, откуда послышался голос Ниты. Пуля ее не задела, но кричать она более не решалась. Оставаться на этом месте она тоже побоялась.

Вернувшись в опустевший дом, бедная девушка быстро собрала скудные остатки провизии и, объятая страхом, с бьющимся сердцем, побежала по темной тропе, ведущей к единственному убежищу, которое она знала – селению Филипа Эматлы, семинола. Она шла два дня, руководствуясь скорее инстинктом, нежели знанием дороги, и к концу второго дня пути вышла к тому месту, где стоял Коакучи. Когда Ал-уи учуял ее, и молодой индеец подбежал к ней, девушка бросилась в его объятия, ослабевшая, не в силах даже говорить. Ее платье было разорвано в клочья, босые ноги кровоточили, нежная кожа была исцарапана шипами терновника.

Полный удивления и дурных предчувствий при виде такого появления сестры его друга так далеко от ее дома и в столь печальном виде, Коакучи вынес ее на открытое место и аккуратно уложил на землю у корней большого дуба. Потом, поняв, что его сил не хватит, чтобы пронести ее больше мили до селения его отца, он велел собаке озранять девушку, а сам помчался со скоростью самого быстрого бегуна во всем племени, чтобы привести помощников.

Жители мирного селения были напуганы, когда он несколько минут спустя появился там, с трудом дыша, и несколько мужчин сразу схватились за оружие. В нескольких словах Коакучи сказал, что немедленная опасность м не грозит, а потом велел трем сильным молодым воинам следовать за ним, снова вошел в лес и поторопился туда, где оставил измученную девушку.

Немного позже Нита Пачеко была принесена в селение и поручена заботам женщин их дома Короля Филипа. Благодаря этим заботам силы беглянки уже через час восстановились настолько, что она смогла рассказать свою печальную историю старому вождю, который, склонившись над ней, внимательно ее выслушал.

Когда она закончила и Филип Эматла узнал все, что она могла сообщить, он выпрямился во весь рост и замер в молчании, дрожа от гнева.

Наконец он произнес:

– Ну что же, дочь моя. Я услышал твои слова, и сердце мое обливается кровью. С этого часа для Филипа Эматлы ты станешь родной дочерью, и твои беды станут его бедами. Теперь спи и восстанавливай силы, пока он соберет на совет мудрых людей, и утром вновь поговорит с тобой.

Когда старый вождь повторил историю Ниты Пачеко своим воинам, собравшимся тем вечером вокруг костра совета, его слова были выслушаны в полной тишине, но лица их были хмурыми, руки сцепленными, пальцы сжатыми. Тишину прерывал только сердитый ропот, но никто не знал, что посоветовать. Наконец Король Филип обратился к Коакучи, который, будучи самым молодым из всех присутствующих, впервые получил разрешение присутствовать на совете. Назвав его имя, старый вождь сказал:

– Сын мой, ты был другом Луиса Пачеко, и у тебя в этом деле интереса намного больше, чем у любого другого из собравшихся здесь. Что можешь ты предложить, услышав эту историю лжи и подлости?

Выпрямившись во весь рост при свете костра, на фоне которого четко выделалась его атлетическая фигура и гордый профиль, юноша ответил решительно и искренне:

– Слова моего отца тяжело легли на сердца его детей. Они говорят нам о злобе белых людей. В этом нет ничего нового. Мы и прежде слышали об этом много раз. Так много, что устали это слушать. Но теперь злоба эта обратилась на тех, кто имеет право взывать к нам о мести. Это люди не нашей крови, но они жили с нами и могут полагаться на нашу защиту. Луис Пачеко – мой друг и брат. Эта девушка – дочь моего отца. Они не были рождены рабами. Великий Дух создал их свободными, как птицы в воздухе или олени в лесу. И эту свободу, дар Великого Духа, белые хотят у них украсть. Разве мы собаки, чтобы это терпеть? Нет: семинцы – мужчины и воины. Пусть вождь отправит белым послание с требованием освободить наших друзей и вернуть их нам. Пусть он также пошлет кого-то, кто сможет выяснить, куда их увезли. Если они мертвы или увезены так далеко, что мы не сможем их найти, пусть он поведет нас в битву с бледнолицыми собаками, чтобы мы смогли отомстить за наших друзей. Коакучи сказал, он ответил на вопрос Филипа Эматлы.

Отважная речь, произнесенная со всем юношеским пылом, сопровождаемая энергичными жестами, которые Коакучи умел использовать, была воспринята с одобрительным ропотом молодых воинов, чьи глаза загорелись яростью в предчувствии битвы. Грудь юного оратора наполнилась гордостью, когда, вернувшись на свое место, он осмотрелся и увидел результат своего первого публичного выступления. Всей душой он сочувствовал этим беднякам, о которых столь страстно говорил, и со всей юношеской гордостью, чувствительностью и бесстрашием готов был выступить в их защиту.

Пока он с юными воинами своего клана одержимы были стремлением сопротивляться несправедливости, чего бы это ни стоило, старые воины покачивали головами. Они знали о своей слабости, о силе белых и о том, сколько у них солдат.

Старый вождь, вызвавший такие проявления чувств, с печалью видел, какие настроения владеют теми, кто сидит вокруг него, и покинул совет, сказав, что наутро вынесет свое решение.

Глава V

Помолвка в лесу

Филип Эматла был стар, и он был мудр. Он посетил большого белого отца в Вашингтоне, и его знание о силе и числе бледнолицых сильно отличалось от представлений членов его племени. Он любил свою землю и свой народ. Он не хотел потакать беззаконию, если это было бы в его силах, но и не хотел втягивать семинцев в войну с сильными и безжалостными врагами, вторгнувшимися в их страну. Он знал, что такая война принесет краснокожим только горькое поражение, независимо от того, как долго она продолжится и как отважно будут сражаться его воины. Горячая речь Коакучи на совете стала для старого вождя источником большого беспокойства, заставив его провести бессонную ночь. Все же к утру он принял решение и, снова собрав совет, высказал его.

Поскольку цена Луиса Пачеко и его матери была в двойном размере уплачена индейцами, отказавшимися от положенной им выплаты, Филип Эматла решил отправиться к агенту в форт Кинг и заявить о них как о своих рабах, потребовав их возвращения в этом качестве. Одновременно он послал разведчиков в Сент-Августин, чтобы выяснить, находятся ли пленники в этом городе и какие есть возможности спасти их, если агент откажется удовлетворить их требования. Пока все это будет продолжаться, никаких мыслей о войне возникать не должно. Это будет решаться только в том случае, когда все другие средства не принесут успеха.

Пока Коакучи слушал эти слова, лицо его принимало все более решительное выражение, и он с нетерпением ожидал возможности высказаться. Он более не был мечтателем, но полон был решимости доказать, что является достойным сыном великого вождя и имеет право называться воином. Когда отец его сказал все, что хотел, и знаком показал, что теперь любой может высказаться, юноша, выждав несколько минут, чтобы не лезть вперед старших, встал, держась

скромно, но решительно, и потребовал предоставить ему две возможности. Первая – он хотел, чтобы ему позволено было одному пойти в Сент-Августин в качестве разведчика, чтобы узнать там о судьбе своего друга. Вторая, высказанная им со смущением, свойственным в подобных случаях всем молодым людям, как диким, так и цивилизованным, была просьбой, обращенной к отцу, сделать Ниту Пачеко настоящей дочерью племени, взяв ее себе в жены.

Сказав это, юноша минуту стоял безмолвно и неподвижно, пока его отец не произнес:

– Сын мой, хоть ты уже и признан мужчиной и тебе позволено выступать на совете, но по знаниям ты такой же мальчик, как и по годам. То, что ты скоро сможешь доказать, что заслуживаешь звания воина – моя надежда и мое желание. Поэтому ты не хочешь упускать возможности показать себя. Твою первую просьбу я разрешаю исполнить с условием, что с тобой пойдут шесть опытных воинов. Они могут остаться за пределами города, и ты сможешь войти в него один, но всегда хорошо, если рядом есть друзья, на которых можно положиться. Хорошо также, что молодой воин может обратиться за советом к тому, кто старше и опытнее.

Вторую твою просьбу я также выполню на определенных условиях. Я с радостью приму девушку, которую ты назвал, в качестве дочери не только на словах, но и на деле, но мне кажется, что ты забыл, что ни один сын племени семинцев не может взять жену, пока не докажет, что он действительно воин, который может стать ей опорой. К тому же жену можно выбирать лишь раз, и это может быть сделано только во время нашего танца в честь большого зеленого маиса. Если девушка даст согласие на твое предложение, то и я дам свое, и церемония свершится еще до заката в тот же день. Пока ты будешь отсутствовать, чтобы узнать о судьбе ее брата, она будет пользоваться любовью и защитой нашего народа. Так что пусть сейчас состоится твоя помолвка, а потом решится и вопрос о твоей женитьбе. Так сказал Филип Эматла.

Коакучи любил сестру своего друга, сколько помнил себя, и был уверен в том, что и она испытывает к нему такие же чувства, хотя между ними не было сказано ни одного слова о любви. Теперь же они дают друг другу обещание пожениться! Эта простая мысль заставила его держаться еще более гордо. А ведь сейчас он должен расстаться с ней. Как же тяжела будет эта разлука! Тяжела вдвойне, потому что и она будет в печали, страдая от беспокойства. Зато, если он принесет весть о том, что ее близкие в безопасности, или даже приведет их к ней, как счастлива она будет! Как будет она гордиться им!

Для Ниты предложение участвовать в церемонии обручения с Коакучи, которая у семинцев более торжественна и более важна чем сама свадьба, была неожиданной, но оттого не менее радостной. Она любила красивого юношу. Чувство это давно жило в ее сердце. Сейчас она была одинока, без крыши над головой. Где она могла бы найти защитника, более храброго и благородного, чем Коакучи? Ведь разве не он сейчас ради нее и тех, кто ей так дорог, будет подвергаться опасности? Да, она даст ему согласие в присутствии всего его народа, по своей воле и с радостью.

Снова солнце клонилось к закату, и вся природа наполнена была золотистым сиянием. Поселок из хижин, крытых пальмовыми листьями, расположившихся среди высоких деревьев на берегу наполненного голубой водой озера Ахпопка, был полон ожидания, и его смуглые обитатели, собравшиеся в небольшие группы, казалось, ожидали, что сейчас произойдет что-то важное.

Наконец послышалось пение, и их покрытой листьями беседки на краю поселка появилась стайка юных девушек, украшенных цветами. Среди них шла одна, на лице которой, выделявшемся особой красотой, видны были следы недавно пережитых страданий. Она была одета в платье из кожи лани, белое, кремового оттенка, и мягкое, словно бархат. Покрытое прекрасными вышивками, оно подошло бы и принцессе, и сперва предназначалось для красавицы Аллалы, единственной дочери Короля Филипа, и сшито было незадолго до ее смерти. Теперь, впервые надетое, оно стало для Ниты Пачеко платьем для ее помолвки. В прядях ее вьющихся

волос были вплетены издававшие нежный аромат белоснежные цветы жасмина. Других украшений на ней не было, но при ее красоте их и не требовалось.

Именно так, во всяком случае, решил Коакучи, когда, сопровождаемый отрядом молодых воинов, покрытых раскраской и украшениями из перьев, он одновременно вышел с другой стороны поселка ей навстречу и остановил на ней взгляд.

Обе группы приблизились к центру поселка и остановились, глядя друг на друга, у хижины вождя. Так они некоторое время стояли в полной тишине, нарушаемой лишь радостным пением птиц и шелестом листвы над их головами. Наконец полог, закрывавший вход, был откинут, и Филип Эматла, сопровождаемый двумя самыми близкими своими советниками, вышел наружу. На голове старого вождя не было никаких украшений, кроме розового пера из крыла фламинго. Это украшение с незапамятных времен было знаком высшей власти среди индейцев Флориды, и в том же качестве было принято и более поздними обитателями этой цветущей страны. Могучее тело вождя было облачено в простую тунику и леггинсы из оленьей кожи. С его шеи спускалась тонкая цепочка, на которой висела большая золотая медаль с изображением Вашингтона, а на груди было еще несколько украшений из золота и серебра.

Остановившись перед своими людьми, вождь обратился к группе украшенных цветами девушек, прося выдать их сестру, и, когда Нита робко шагнула вперед, он взял ее за руку. Потом он обратился к группе воинов, прося выдать их брата; строй расступился, и Коакучи гордо вышел к отцу.

Также взяв его за руку, старый вождь спросил сына голосом, который слышали все окружающие, твердо ли он решил подтвердить взятые обязательства.

– Обещаешь ли ты ради этой девушки исполнить все, что требует долг воина? Обещаешь ли ты, когда придет время, взять ее в свою хижину и сделать своей скво? Защищать ее, не жалея жизни? Охотиться для нее? Делать все, чтобы она не страдала от голода? Любить ее и не покидать, пока Великий Дух не призовет вас к себе, в страну Удачной Охоты?

– Ун-ках (да), – ответил Коакучи так громко, что все смогли его услышать. – Обещаю.

Повернувшись к Ните, вождь спросил:

– Дочь моя, хочешь ли ты тоже что, когда придет ему время позвать тебя в свою хижину, то ты пойдешь за ним? Готова ли ты обещать, что, до тех пор, пока солнце не перестанет светить для тебя, глаза твои закроются в долгом сне и пение птиц не перестанет звучать в твоих ушах, Коакучи останется твоим мужчиной, и никогда ты не узнаешь другого? Обещаешь ли ты, что с того времени, как его хижина станет твоей, его друзья станут твоими друзьями, а его враги – твоими врагами? Обещаешь ли ты, что с того дня, как ты войдешь в его хижину, ты будешь любить его, заботиться о нем, считать его слово законом и следовать за ним даже в неволю или на смерть? Подумай хорошо, дочь моя, потому что обещание, данное здесь, нелегко будет нарушить.

Подняв голову и с улыбкой посмотрев в лицо старику, Нита ответила тихим, но решительным голосом:

– Ух-ках. Я обещаю.

Тогда вождь вложил руку девушки в руку Коакучи и, повернувшись к зрителям, стоявшим молча и неподвижно, произнес:

– Все вы видели и слышали, что сын мой и моя дочь дали друг другу обещание, которое нельзя нарушить. Поэтому я, Филип Эматла, объявляю, что Коакучи, когда подтвердит звание воина, позовет эту девушку в свою хижину и она пойдет за ним. С этого времени он будет ее воином, а она – его скво. Это сказано, и пусть все это помнят.

С этими словами церемония помолвки завершилась, и участники ее стали бурно выражать свою радость. Стреляли ружья, били барабаны, горели большие костры, все танцевали и веселились, и все простодушные жители леса показывали свою радость по поводу этого события, которое должно было принести огромное счастье любимому сыну их вождя.

Коакучи не разделял общей радости – он и без того рад был тому, что произошло. Он должен был сделать то, что нельзя было более откладывать. Судьба его друга, который теперь становился его братом, должна была стать известной, и сделать это должен был он.

Так что по окончании церемонии обручения он отвел Ниту в хижину отца, нежно с ней попрощался и, пообещав скоро вернуться, ускользнул почти незамеченным. В компании одной только Ал-Уи, борзой, он вошел в темную тень леса, подступавшего к поселку, и сразу скрылся из глаз.

Глава

VI

Жестокая смерть Ал-Уи

Когда Коакучи ночью, последовавшей за днем его помолвки, покинул индейский поселок и направился к Сент-Августину, он ясно понял, что жизнь его круто изменилась, и что с этой минуты детство его закончилось. Некоторое время он размышлял о том, как совершить задуманное, и вместе с тем ему не давали покоя мысли о том, как он слаб и как плохо знает мир. Как может он, простой юноша, не знающий ничего, кроме жизни в лесу, пытаться одолеть силу, мудрость и хитрость всемогущих белых? Сердце его утратило решимость, в нем поселился страх; он боялся идти вперед и не решался вернуться.

Пока он так колебался, у него появилось ощущение, что кто-то стоит рядом с ним, и до его ушей донесся голос Аллалы. Тихо, но решительно он произнес:

– Брат мой, на тебя смотрят глаза всех людей нашего племени. Филип Эматла сейчас вождь клана: пройдя тяжкие испытания и долгие дороги, узнав много горя, Коакучи станет вождем народа. Помни, брат мой – стремление к успеху приведет тебя к славе; отступить, чтобы пойти вперед – почетно, а отступить, не идя вперед – достойно презрения.

Голос затих, и молодой индеец снова почувствовал себя одиноким, но более он не колебался. Его тело наполнилось новыми силами, а сердце налилось отвагой, и он ничего более не страшился. В один миг он обрел решительность. Он стремился победить, он готов был узнать горечь поражения, но никто не смог бы упрекнуть Коакучи в нерешительности. Полный таких мыслей, юноша рванулся вперед и снова побежал по лесной тропе.

Он прошел совсем немного, когда увидел группу темных фигур, очевидно, ожидающих его. Это были шесть воинов, выбранных отцом, чтобы сопровождать его в этом опасном предприятии. Когда он присоединился к ним, они обменялись несколькими словами приветствия и один из них забрал у него ружье, гор с порохом и мешочек с пулями. Потом он пошел впереди, с Ал-Уи, державшимся рядом, а остальные единой группой двигались вслед за ним особой походкой – длинными, скользящими шагами, что требовало меньше сил, позволяя при этом двигаться очень быстро.

Ночь была светлой от лучей молодой луны, и свет ее, проникая сквозь листву деревьев, освещал тропу, по которой они шли, позволяя двигаться не хуже чем днем. Когда луна зашла, маленький отряд остановился на краю просторной поляны, и все сорвали по несколько больших листов капустной пальмы, которые бросили на землю, чтобы те могли послужить им защитой от ночной росы. Потом, улегшись на них, они почти сразу уснули, оставив на страже Ал-Уи.

Тушка дикой индейки, подстреленной при первых проблесках рассвета рядом с местом их ночлега, стала их завтраком, и, когда взошло солнце, они снова пустились в путь. Утром они переправились через реку Сент-Джон в каноэ, которое было спрятано под берегом от всех, кроме них, и вскоре после заката снова остановились на ночлег в нескольких милях от Сент-Августина.

До этого времени они белых не встречали, но теперь могли встретить многих, потому что были рядом с недавно проложенной дорогой, ведущей на запад, во внутренние земли; строил

ее человек по имени Беллами, потому ее и называли дорогой Беллами – под этим названием она известна и сейчас.

По этой дороге Коакучи в сопровождении Ал-Уи следующим утром пришел в город. Ружья у него не было – он знал, что за пределами резервации индейцам запрещалось носить огнестрельное оружие – нарушителей задерживали и оружие отбирали. Тем не менее опасности он не ощущал. Сейчас было мирное время, и индейцы, как и белые, были под защитой договора. Таким образом, велел своим воинам укрыться и оставаться на месте до его возвращения, молодой вождь отправился на поиски нужных ему сведений.

По пути Коакучи тщательно планировал, что будет делать, когда доберется до места. Он легко мог бы проскользнуть в город под покровом темноты и, не особо рискуя быть замеченным, поговорить с местными неграми, которые могли бы сообщить ему нужные сведения. Он мог бы, прячась, оставаться рядом с городом, ожидая, пока кто-то из этих негров пройдет мимо. Были у него и другие планы, но все они были отвергнуты в пользу последнего. Честный и открытый, Коакучи решил действовать так, чтобы не вызывать никаких подозрений. Он знал, что для него, человека свободного, не было причин не посещать любую часть страны, которую его народ до сих пор считал своей, и потому он решил войти в город открыто, днем.

Вид индейца на улицах Сент-Августина в то время был совершенно обычным, чтобы привлечь повышенное внимание. Все же его манера держаться была слишком гордой, а облик настолько необычным, что, идя по улице, он привлек не один любопытный взгляд.

Большая собака, шедшая рядом с ним, тоже обращала на себя общее внимание, и несколько человек предлагали юноше продать ее. На это он ответа не давал, потому что в то время, как, впрочем, и сейчас, индейцы не обращали внимания, когда к ним обращались на любом языке, кроме их собственного – это было одним из их правил.

За несколько часов Коакучи выяснил все, что касалось последней экспедиции Джефферса и Раффина. Если все складывалось по их планам, они должны были направиться прямо в Чарльстон, Южная Каролина, и там выставить пленников на продажу. Поскольку их в городе не было уже неделю, можно было предположить, что так оно и есть.

Во время одной из бесед с тем, кто мог сообщить ему нужные сведения, но не хотел быть замеченным в его обществе, молодой индеец получил неясные сведения о том, что были приняты новые законы, касающиеся его народа, и что, если он не будет осторожен, ему могут грозить новые неприятности.

Несколько раз за это утро уличные псы пытались наброситься на Ал-Уи, но в каждом таком случае псу достаточно было зарычать и оскалить зубы, чтобы его оставили в покое.

Завершив свои дела, Коакучи отправился назад в лагерь, где его ждали воины. На сердце у него было тяжело после полученных новостей, и его одолевали горькие мысли о судьбе друга, уведенного в рабство, который был от него слишком далеко, чтобы он мог его выручить или как-то ему помочь.

Так размышляя и обращая мало внимания на окружающее, он дошел до границы города. Он миновал последнее здание, небольшой трактир, рядом с которым собралась небольшая группа людей, многие из которых были под действием спиртного.

Одним из них был хмурый мужчина по имени Салано, который по каким-то неизвестным причинам испытывал жгучую ненависть к индейцам и часто хвастал, что, стреляя в них, колебался не более, чем если бы перед ним был волк или гремучая змея. Рядом с этим человеком лежала его собака, неприглядного вида дворняжка, при этом довольно агрессивная.

Когда Коакучи, проходил мимо людей, не обращая на них никакого внимания, Салано окликнул его, явно желая оскорбить:

– Эй, инджун! Ты где украл эту собаку?

Если Коакучи и услышал этот вопрос, то виду не подал и продолжал идти своим путем.

Салано снова крикнул:

– Я спросил, инджун, где ты украл эту собаку? – и, выругавшись, добавил: – приведи ее сюда. Я хочу на нее посмотреть.

Ответа снова не было.

Тем временем дворняга у ног Салано стала рычать и показывать зубы, словно угрожая Ал-Уи.

Тут ее хозяин замолчал и, указав на борзую, сказал:

– Давай, сэ, порви его!

Дворняга рванулась и вцепилась в заднюю ногу Ал-Уи, нанеся ей болезненную рану.

Терпение борзой было исчерпано. Пес развернулся, за пару прыжков догнал дворнягу, убегающую с жалобным визгом. Ал-Уи схватил ее за спину своими могучими челюстями. Последовал дикий крик, хруст костей, и дворняга замертво упала в пыль. Тут же раздался выстрел, и прекрасное животное медленно опустилось на своего последнего противника, застреленное прямо в сердце.

Все это произошло так быстро, что двойная трагедия закончилась быстрее, чем Коакучи понял, что происходит.

Поняв это, он подскочил к своему верному другу, опустился перед ним на колени и взял его голову в руки. Большие любящие глаза медленно открылись и посмотрели на лицо молодого индейца, последним усилием собака лизнула его руку, и все было кончено. Ал-Уи, Высокий, самый благородный пес, принадлежавший семинолу, который так его любил, был мертв.

При виде этой сцены люди у трактира разразилась хохотом и оскорбительными насмешками. Когда Коакучи, убедившись в том, что его пес действительно мертв, медленно поднялся на ноги, Салано с издевкой крикнул:

– Как там твоя шавка, инджун?

В следующий миг он дернулся назад с криком ужаса, когда молодой индеец подскочил к нему с горящим от ярости лицом и прошипел сквозь зубы:

– Твое сердце будет вырвано из груди за то, что ты сделал! Коакучи клянется в этом!

Даже когда он говорил, пистолет в руке Салано был направлен ему в голову, и лицо его обожгла вспышка выстрела, и пуля просвистела над его головой, не причинив ему вреда. Молодой человек, только что появившийся здесь, ударил снизу по руке убийцы, воскликнув:

– Ты спятил, Салано?

Потом, обратившись к Коакучи, он добавил:

– Уходи отсюда, от греха подальше. Этот человек напился и не понимает, что творит. Я прослежу, чтобы тебе не навредили.

Не сказав ни слова, но внимательно посмотрев на лицо говорившего, словно стараясь запечатлеть его в памяти, молодой индеец развернулся и быстро пошел прочь.

Он не отошел от города и на милью, и шел медленно, опустив голову, поглощенный горькими мыслями, когда его размышления были прерваны топотом копыт за спиной. Повернувшись, он увидел двух всадников, приближавшихся к нему. Одновременно он заметил еще двоих, обошедших его сквозь густые заросли по обеим сторонам дороги и оказавшихся перед ним, таким образом отрезав ему все пути к спасению. Он мог бы скрыться в зарослях и за несколько минут ускользнуть от преследователей, и, будь с ним его верное ружье, он бы так и сделал. Но он был безоружен, и преследователи об этом знали – они легко могли его выследить и застрелить, ничем не рискуя, если у них было бы такое намерение.

Поэтому Коакучи продолжил спокойно идти, словно он не был объектом преследования для четырех всадников. Он хотел бы оказаться как можно ближе к своим людям, чтобы можно было позвать их, но до них было еще около двух миль, и на таком расстоянии его голоса они бы не услышали. Так что, делая вид что не подозревает о погоне или не обращает на нее внимания, он продолжал идти, пока всадники, бывшие сзади, не нагнали его. Когда они были рядом, один из них приказал ему остановиться.

Коакучи подчинился и повернулся, снова оказавшись лицом к лицу с Фонтани Салано, который совсем недавно едва не лишил его жизни.

Глава

VII

Коакучи в руках белых негодяев

Когда молодой вождь, повинувшись грубой команде, повернул лицо, то оказалось, что он находится под прицелом ружья, которое держит его злейший враг. В этот момент он понял, что находится на краю гибели и ожидал, что будет застрелен прямо сейчас – столь злобным было выражение лица белого. Все же, призвав на помощь все свое самообладание, что в минуты опасности так помогает всем индейцам, он ничем не выдал своих чувств. Он только спросил:

– Почему Коакучи должен останавливаться по команде белого?

– Потому что, Коакучи, если таково твое дурацкое имя, белый человек так решил, и потому, что он хочет увидеть твой пропуск, – с насмешкой ответил Салано.

Тем временем приблизились другие всадники, и двое из них, спешившись, теперь стояли по бокам от молодого индейца. По кивку своего предводителя эти двое схватили его и моментально связали руки у него за спиной. Даже сейчас Коакучи еще мог вырваться от них и дернулся, пытаясь освободиться, но тут у него мелькнула мысль о том, что это именно то, чего ожидают враги как повода его убить, поэтому он не стал сопротивляться и спокойно дал себя связать.

Тут же на лице Салано появилась тень разочарования, он шепотом выругался. Дело было в том, что он, испугавшись угрозы Коакучи расправиться с ним в отместку за Ал-Уи, жестоко им убитого, он решил, не откладывая, расправиться с этим опасным юношей, и начал приводить свой замысел в действие. Он рассчитал, что его жертва попытается бежать или по крайней мере окажет сопротивление. В любом случае он сможет его застрелить безо всякого сожаления, а потом сможет оправдаться на том основании, что индеец нарушил закон, только что принятый законодательным собранием Флориды, за чем он, как мировой судья, обязан следить.

Теперь, раз уж этот план провалился, он решил пойти на крайние меры.

– Так значит, инджун, пропуска у тебя нет, верно? А ты ходишь по этой стране, угрожаешь жизни белых людей, и только Господу ведомо, что еще тебе заблагорассудится, – сказал он. – А теперь послушай вот это.

Говоря это, белый достал из кармана бумагу и прочел следующее:

«Закон о запрете передвигаться индейцам по Территории. Утверждено губернатором и законодательным советом Территории, что отныне и впредь в соответствии с этим законом, если любой совершеннолетний индеец, осмелившийся выйти за пределы границ резервации, отведенной для его племени или народу, к которому этот индеец принадлежит, то любой имеет право и обязанность задержать этого человека или людей, схватить их и доставить такого индейца любому мировому судье, который имеет право, полномочие и обязанность (если только индеец, о котором идет речь, не имеет при себе письменного разрешения от агента на какие-либо действия) наказать его не более чем тридцатью девяти (39) ударами плетью по обнаженной спине этого индейца, и, если данный индеец имеет при себе ружье, его следует у него отобрать и передать через полковника графства или капитана округа, в котором данный индеец был схвачен, уполномоченному по делам индейцев.»

– Итак, мистер инджун, что ты на это скажешь? – спросил Салано, складывая бумагу и убирая ее в карман.

Хотя Коакучи не понимал смысл всего того, что было ему прочитано, он все же осознал, что сейчас, по законам белых, его могут высечь, словно раба или собаку, и при мысли об этом кровь его вскипела, но все же он смог спокойно ответить на последний вопрос Салано.

– Семинолу об этом законе не было сказано. Для него это новость, и у него не было времени об этом узнать. В договоре такого не было. Коакучи – сын вождя. Если вы поднимете руку на него, то поднимете ее на весь народ семинолов. Если вы его ударите, земля станет красной от крови белых. Если вы его убьете, дух его будет взывать о мести, и вам негде будет спрятаться от ярости его воинов. Они не будут ни есть, ни спать, пока не найдут тебя и не вырвут сердце из твоей груди.

– Да уж конечно! – с проклятием перебил его Салано, – так все и будет. Мы не хотим больше тебя слушать. Этот инджун явно очень опасен, джентльмены, и как мировой судья я сделаю то, что велит закон. Сначала мы его высечем, а потом, если этого окажется недостаточно, мы его повесим.

Трое мужчин, сопровождавших Салано, были ему под стать, и и сами готовы были в любой момент продемонстрировать свою злобу и жестокость. На индейцев они смотрели, как на дичь, за которой можно было охотиться и которую можно было убивать на месте. Ничто так их не порадовало, как объявление войны семинолам, и они сделали все, что могли, чтобы поторопить столь радостное событие. Высечь индейца, прикрывшись законом, было редким развлечением, а перспектива повесить его после этого наполнила их жестокой радостью. Так что они охотно повиновались команде своего предводителя, и, привязав лошадей у обочины дороги, они накинули на шею Коакучи удавку и подвели его к роще деревьев, к одному из которых привязали свободный конец веревки. Он мог сделать не больше пары шагов в любом направлении. Распоров ножом его тунику, они спустили ее со спины, и все было готово к злодеянию. Их ружья оставались в чехлах у седел, но каждый держал свой хлыст из сыромятной кожи, и все было готово к тому, чтобы испытать их на голой спине своей молчащей и несопротивляющейся жертвы.

– По десять ударов каждый, джентльмены! – крикнул Салано с диким хохотом. – Как раз и будет тридцать девять ударов по закону, и еще один для ровного счета. Я запишу себе в большую заслугу, что догадался привязать его за шею с помощью удавки. Так у него будет достаточно места, чтобы танцевать, а если ноги у него откажут и он повесится, так это будет его вина, не наша. Во всяком случае, будет неплохо от него избавиться, ведь это уберезет нас от дальнейших проблем; так что посторонитесь и дайте мне место.

Остальные отошли на несколько шагов, главный негодяй подошел к молодому индейцу и приложил сыромятный кнут к его обнаженному плечу, словно примеряясь, куда лучше ударить, а потом поднял его высоко над головой, сказав при этом:

– Так ты хотел вырвать сердце из моей груди, не так ли, инджун? Сейчас поглядим, как у тебя это получится.

Раздался ужасный свист, и сыромятный хлыст опустился со всей силой державшей его руки.

Индеец не шевельнулся и не издал ни звука, только плоть его дрогнула, когда жестокий удар оставил след на его плече.

Ценой этого удара стали сотни невинных жизней и миллионы долларов. Он отозвался по всей стране и в отплату за него были пролиты реки крови. В один миг его ужасная магия превратила молодого индейца из спокойного миролюбивого юноши, благородного и доброжелательного, в дикого воина, неумолимого и безжалостного. Он дал семиннам вождя, само имя которого вселяло ужас в их врагов и стал причиной самой жестокой и упорной войны с индейцами, какая только была на американской земле.

Кнут снова поднялся, но прежде, чем он опустился во второй раз, негодяй, державший его, был сбит наземь, а белый мужчина с горящим взглядом стоял над его распростертым телом. Вновь пришедший навел ружье со взведенным курком на обескураженных зрителей этой расправы, которые были слишком увлечены этим зрелищем, чтобы заметить его приближение.

– Труссы! – крикнул он звенящим голосом. – Решили вчетвером высечь одного индейца? Так вы решили закончить свою личную ссору и утолить свои поганые инстинкты? Бах! После этого вас и мужчинами нельзя назвать! Вы заставляете меня стыдиться того, что я такой же белый, как вы. Или вы не слышали, что я сказал этому юноше уходить с миром? Как вы осмелились на подобное беззаконие? Может, вы полагаете, что на слово англичанина можно не обращать внимания, и это сойдет вам с рук? Что ж, теперь вы это узнаете, ка только кто-то осмелится встать на моем пути. Я пристрелю его тут же, как любую тварь, недостойную ходить по земле. А теперь проваливайтесь отсюда, пока мое терпение не лопнуло. Возвращайтесь в город, и там кричите о своих обидах, если хватит смелости. Там вы найдете тех, кто подобно вам хочет начать войну с индейцами и залить эту землю кровью. Идите, только пешком. Ваши лошади сами дойдут. Идите, и, если кто-то из вас осмелится даже просто оглянуться прежде, чем он

скроется с глаз моих, пуля из этого ружья его подгонит. А ты, Фонтани Салано, подлец из подлецов, шелудивый пес, пойдешь с ними. Прочь с глаз моих, говорю, или пока я не дал этому индейцу возможность пройтись по твоей спине кнутом, как ты сам собирался с ним сделать.

То ли эти четверо оказались перед лицом того, кто лишил их чувств, то ли они действительно были трусами, как он их назвал – сейчас сказать нельзя. Как бы то ни было, они молча выслушали все, что сказал им молодой человек, и, когда им приказано было убираться, побежали так быстро, что в не столь трагических обстоятельствах это могло бы вызвать смех.

Чужак проводил их до края леса и следил за ними, пока они не пропали из виду, направляясь к городу. Потом он вернулся к тому месту, где Коакучи, не видевший лица своего спасителя, по-прежнему стоял, привязанный к дереву. Своим острым ножом он перерезал путы, стягивавшие его руки, и веревку на его шее, что позволило тому повернуться. Коакучи испытал удивление. Его новым другом был тот самый человек, который всего лишь часом ранее спас его от пистолета Фонтани Салано на улицах Сент-Августина.

Глава

VIII

Ральф Бойд, англичанин

Человек, который дважды за день пришел на выручку Коакучи, представлял собой фигуру, заметную даже в этой земле искателей приключений. Происходил он из богатой английской семьи, получил хорошее образование и воспитание, и всю жизнь стремился к приключениям. Несколько лет он провел в разных богом забытых уголках мира, пока наконец не осел на большой плантации во Флориде, оставленной ему дядей, которого он никогда не видел. Там он сейчас и жил со своей единственной сестрой Энстис, которая недавно решила присоединиться к нему.

Полный любви к свободе и всегда готовый ввязаться в драку против несправедливости любого рода, он, еще не увидев своей собственности, освободил своих рабов и приказал своим доверенным рассчитать жестокого управляющего, который несколько лет управлял этой плантацией. Этим человеком, которого Ральф Бойд даже в глаза не видел, был наш старый знакомый, работороговец Трап Джефферс.

В сообществе рабовладельцев человек, решивший, что на его плантации трудиться будут свободные люди, становится белой вороной, и некоторые из его соседей стали искать с ним ссоры, надеясь выдворить его из этой страны. Надежды эти не сбылись. Ральф Бойд остался в этой стране, в результате нескольких дуэлей подтвердив свое право остаться. Он был хорошим стрелком, опытным фехтовальщиком и прекрасным наездником, и при этом чувство страха было ему неведомо. Таким образом все быстро поняли, что ссориться с молодым англичанином – это навлекать на себя неприятности, и что дружба с ним намного предпочтительнее. Он принадлежал к тому типу людей, которых трудно рассердить, если речь идет о них самих, но которые никогда не допустят несправедливости, в отношении кого-то слабого или беспомощного, если только это в их силах. Тот случай проявления трусливой подлости, который только что произошел, и один из тех, которые было так противно видеть, наполнил его дикой яростью.

Плантация Бойда находилась примерно в сорока милях от Сент-Августина, и в город он приехал по делам. Он оказался там как раз в тот момент, когда Салано выстрелил в Ал-Уи. Возмущенный этим мерзким поступком и восхищенный тем, как молодой индеец говорил с теми, кто это сделал, Бойд сразу принял его сторону и, возможно, спас его жизнь. Потом он занялся своими делами и случайно узнал, что Салано со своими злобными друзьями отправились по следам молодого вождя. Боясь, что эти негодяи смогут причинить большие неприятности тому, кому он обещал защиту, от вскочил на свежую лошадь и погнал ее вслед за ними.

Обнаружив четырех лошадей, привязанных у обочины, и обратив внимание на то, что все ружья находятся в седельных чехлах, Бойд из предосторожности обошел их так, чтобы они

оказались у него за спиной, и потом вошел в рощу. Там, идя на звук голосов, он бесшумно проскользнул через заросли прямо к тому месту, где происходила эта отвратительная сцена. Ничего более мерзкого он прежде не видел, и это зрелище привело его в ярость.

Рванувшись вперед, держа в руке ружье, он одним ударом сбил Салано на землю и взял остальных на прицел. Все они его знали, и каждый из них предпочел бы иметь дело с любыми другими двумя противниками. Само его присутствие в этот момент вселило в них ужас, и, когда он разрешил им убираться, они побежали, словно побитые щенки.

Если бы Коакучи был в поле зрения своего спасителя, Бойд непременно заметил бы пугающие перемены на лице молодого индейца. Оно было уже не тем, которое он видел часом ранее. То было подвижным лицом молодого человека, на котором отражались все переживания, и, хотя оно было искажено горем и злобой, скоро оно приобрело обычное выражение. Теперь оно стало жестким, на нем застыло выражение невыносимого стыда и неутолимой ненависти. Взгляд его напоминал взгляд дикого животного, загнанного в угол и приготовившегося к смертельной схватке.

Едва взглянув на белого, он опустил глаза. Коакучи, самый гордый из семинцев, склонил голову. Этот человек стал свидетелем его позора, и в то же время он был обязан ему. Молодой индеец не мог смотреть на него, как не мог его убить, и стоял, молча и неподвижно, глядя в землю.

Ральф Бойд оценил ситуацию и понял чувства индейца, как свои собственные, как оно и было в некотором смысле. Так думал бы любой рожденный свободным гордый юноша, оказавшись он в сходных обстоятельствах.

– Мой бедный друг, – сказал Бойд, протягивая руку. – Я думаю, что понимаю, что ты сейчас чувствуешь, и всем сердцем тебе сочувствую. Ты должен позволить мне стать твоим другом, хотя бы за то, что я сделал с четырьмя твоими врагами. Можешь пожать мне руку в знак дружбы?

– Не могу, – прерывающимся голосом ответил Коакучи. – Ты белый. Меня ударил белый. Не раньше, чем след от этого удара будет смыт его кровью, я смогу пожать руку белого в знак дружбы.

– Ну, не знаю даже, что я должен чувствовать, – задумчиво произнес Бойд. Прежде я никогда не встречал людей твоего народа, но мне часто говорили, что вы люди лживые, ненадежные, лишены всяких признаков гордости или истинной храбрости. Теперь же мне кажется, что в этой ситуации твои чувства намного сильнее моих, оказавшись я в таком положении. По крайней мере я надеюсь, что не будешь держать на меня зла за то, мы с ними, к несчастью, одного цвета. Я хотел бы узнать больше о твоём народе, и хотел бы, чтобы вы меня считали другом, а не врагом.

– Коакучи всегда будет твоим другом, – твердо ответил тот. – Настанет день, когда он пожмет твою руку в знак дружбы. Не сейчас. Он всю жизнь будет тебе обязан. Семинцы никогда не прощают несправедливости и никогда не забывают доброты. Теперь я должен идти.

– Постой, Коакучи, ты не должен идти полуголый и с этой отметкой на спине, – воскликнул Бойд. – Вот, у меня есть две рубашки, и я настаиваю, чтобы ты взял одну из них. С твоего разрешения я возьму в обмен за нее эту твою кожаную тунику, которую так раскромсали эти негодяи, и сохраню ее на память об этом случае.

Сказав это, молодой англичанин снял с себя верхнюю одежду – прекрасно сшитую охотничью рубашку из темно-зеленой материи, и протянул ее Коакучи. Молодой индеец без колебаний принял подарок и сразу надел рубашку, оказавшуюся ему впору.

Потом молодые люди вышли из рощи, где произошло то, что было столь неприятным для них обоих, и пошли туда, где Бойд оставил свою лошадь.

Поскольку Коакучи сказал, что идти ему недалеко, Бойд предложил проводить его, и, ведя лошадь в поводу, пошел рядом и индейцем, на лице которого застыло выражение стыда.

Чем больше Бойд говорил с Коакучи, тем более тот ему нравился. Он понял, что это человек интеллигентный, скромный, но высокодуховный и в высшей степени приверженный представлениям дикарей о чести и бесчестии, о хорошем и плохом. Отомстить за обиду, отплатить за доброту, быть честным с тем, кто честен и предать предателя, служить другу и наказать врага – таким было его кредо и закон его жизни.

Наконец они дошли до того места, где индеец должен был свернуть с дороги. Тут они остановились, чтобы попрощаться, и, пока это происходило, из соседних зарослей послышался хриплый крик ястреба. Коакучи поднял руку, и словно по волшебству, шесть сильных воинов выскочили на дорогу и окружили их.

Бойд машинально потянулся к ружью, но его остановила улыбка на лице товарища. Тот спокойно произнес:

– Ничего не бойся; это мои друзья, а мои друзья – твои друзья.

К индейцам он обратился на своем языке:

– Хорошо запомните этого человека. Это мой друг и друг всех семинолов. Никто не должен причинить ему вреда.

Потом он взмахнул рукой, и шесть воинов исчезли так быстро и бесшумно, что белый протер глаза, чтобы убедиться в том, что ему это не померещилось.

Повернувшись к Коакучи, чтобы сказать тому о том, как это удивительно, он увидел, что молодой индеец тоже исчез, и что он один стоит на дороге.

Глава

IX

Таинственное исчезновение часового

Целую минуту Ральф Бойд стоял в растерянности посреди дороги. Напрасно он искал взглядом признаки или вслушивался в звуки, которые могли бы выдать присутствие тех, кто мгновением ранее стоял рядом с ним. Высокие травы волновались и цветы покачивались под легким ветерком, но он был не настолько силен, чтобы пошевелить тяжелые листья пальм, а среди их стволов не было заметно никакого движения, выдававшего присутствие человека. Легкие верхушки капустной пальмы колыхались, поднимаясь и опадая под дуновением ветерка, из дальних зарослей доносилось воркование лесных голубей, иногда раздавался крик перепелки, но никакие иные звуки не нарушали всеобъемлющую тишину.

Внезапно из зарослей, находившихся в некотором отдалении от того места, где стоял молодой человек, раздался леденящий кровь военный клич семинолов:

– Йо-хо-ее йо-хо-ее йо-хо-ее-че!

За ним последовал еще один, и еще, пока слушавший не насчитал семь отдельных голосов, и понял, что принадлежали они семерым индейцам, которые стояли на дороге рядом с ним.

Несведущий в умениях краснокожих воинов, Бойд не мог понять, как они смогли так бесшумно и быстро ускользнуть от него.

– Похоже на колдовство, – пробормотал он, – и вызывает неприятные мысли. Какой ужасной будет война с такими, как они, в этой стране, где все так благоприятствует им и так мешает продвижению войск. И все же эта война, к которой безрассудно подталкивают политиканы, работорговцы и захватчики земли, пугает правительство. Ладно. Я в это вмешиваться не стану, хотя мой долг, как белого – вернуться в Сент-Августин и сообщить полковнику о присутствии отряда индейцев. Я бы и не подумал этого сделать, разве что из страха ха то, что, будучи оскорбленными ударом, нанесенным этому хорошему парню Коакучи, они захотят мстить, и месть эта падет на невинные головы. Если только Коакучи последует моему совету и вернется в резервацию, к себе домой, то все обойдется, но если он начнет бродить по округе, чтобы снять несколько скальпов – а я боюсь, что так он и сделает – то может загнать себя в ловушку, из которой я не смогу его вытащить.

Не следует думать, что все это время Ральф Бойд простоял на одном месте посреди дороги. Он был в седле даже прежде, чем военный клич индейцев сказал ему о направлении, в котором они направились и где теперь находились. Сразу после этого он дал коню шпоры и во время последней части своих размышлений уже скакал во весь опор по дороге в том направлении, откуда недавно прибыл.

Хотя Бойд знал, что Салано теперь его злейший и безжалостный враг, он ни минуты не колебался, возвращаясь в Сент-Августин, не испытывал он страха и перед остальными, чье жестокое развлечение он так решительно пресек. Он не верил в то, что те станут рассказывать о своих делах, как и о том, что их столь позорно прогнал один человек.

Чтобы убедиться в этом, он по возвращении в город задал несколько вопросов и, поняв, что о недавнем происшествии никто не знал, направился к полковнику, командовавшему небольшим гарнизоном, размещенным в городе, и сказал ему о том, что неподалеку находится отряд из семи вооруженных индейских воинов. Он высказал и свои опасения о том, что они собираются устроить неприятности на нескольких плантациях, расположенных вдоль Сент-Джонса.

Полковник внимательно его выслушал и поблагодарил за сообщенные им сведения. К тому времени окончательно стемнело, и что-то предпринимать было уже поздно, но офицер обещал выслать отряд из двадцати разведчиков, как только станет светло. Пока же он предложил Бойду на эту ночь стать его гостем, а утром сопроводить солдат к тому месту, где он видел индейцев, на что последний согласился. Сделал он это тем более охотно, что узнал, что отрядом разведчиков командовать будет Ирвин Дуглас, молодой лейтенант, с которым у него были прекрасные отношения и который не раз посещал его плантацию.

Когда на следующее утро, после раннего подъема и чашки горячего кофе в компании полковника и Дугласа Бойд присоединился к солдатам, которым должен был стать проводником, то очень удивился, увидев среди них Фонтани Салано, который попросил разрешения присоединиться к отряду и получил его. Он размышлял над этим, пока отряд, звеня саблями и стуча подковами, покидал тихий старый город. Была ли ненависть Салано к молодому индейцу, с которым он так жестоко обошелся, столь неутолимой, что он решил воспользоваться любой возможностью, чтобы убить его? Бойд не мог найти иной причины, по которой человек, столь ленивый по натуре, готов был бы присоединиться к этому походу и переносить все его неминуемые трудности.

Весеннее утро было достаточно прохладным и бодрящим. Свежий воздух был наполнен ароматом цветов апельсиновых деревьев, и под их зеленой кровлей бесчисленные птицы пели свои лучшие песни. Застоявшиеся кавалерийские лошади, радуясь возможности пробежаться, гарцевали по узким улицам, и их с трудом можно было заставить перейти на спокойный шаг.

Когда отряд вырвался из города на широкую песчаную равнину, поросшую чапарралем, его движение ускорилося, и несколько миль все двигались легким галопом, сверкая начищенным оружием и упряжью в лучах восходящего солнца.

Команда остановиться была подана в том месте, где Бойд расстался с индейцами, и в поисках их следов были посланы разведчики. Они легко обнаружили лагерь, из которого Коакучи отправился в город накануне утром, и нашли свежие следы, ведущие на запад, или в сторону Сент-Джонса.

Солдатам, неопытным в войне с индейцами, нелегко было следовать по этим следам, не слезая с седла, поэтому скоро они их потеряли. Это не сильно огорчило лейтенанта Дугласа, потому что, убедившись в том, что плантации вдоль реки были целью тех, кого он преследовал, он решил направиться прямо к ним, не тратя времени на поиски следов.

К вечеру они добрались до большой реки и остановились рядом с ней, так и не найдя признаков присутствия индейцев или признаков того, что поселенцы той местности имеют основания проявлять беспокойство из-за предполагаемого присутствия врагов.

Ночью все же произошло два удивительных происшествия. Первым было таинственное исчезновение одного из часовых, охранявших лагерь. Он стоял недалеко от границы леса, но все же товарищи вполне могли бы услышать его крик. Сержант рассказал ему об опасностях, могущих угрожать на этом посту, и велел тщательно прислушиваться ко всем звукам, особенно тихим. Тот с улыбкой ответил, что уши у него достаточно длинные для того, чтобы позволить человеческому существу приблизиться к нему на расстояние выстрела так, чтобы он об этом не узнал, и сказал, что будет стрелять в сторону любого подозрительного звука.

Так его и оставили, и часом позже разводящий, проверяя пост, обнаружил, что он покинут. В темноте искать пропавшего часового было бесполезно, поэтому, не поднимая тревоги, разводящий поставил на место пропавшего другого человека и сам оставался рядом с ним до самого рассвета. Они не видели и не слышали ничего, что могло бы привлечь их внимание, но, едва дневной свет сделал видимыми окружающие предметы, они смогли обнаружить следы борьбы на краю места, где стоял их несчастливый предшественник.

Там не было найдено следов крови, не было найдено их и вдоль следов обуток в мокасины ног, ведущих от пяточка, истоптанного тяжелыми кавалерийскими сапогами, в которые обуток был пропавший солдат. След вел к маленькому ручью, впадавшему в реку чуть выше лагеря, и там заканчивался. Оба берега ручья были тщательно исследованы на милю ниже и выше этого места, но не было найдено никаких следов того, что нога человека ступала на его берега.

Делать было нечего. Человек был объявлен пропавшим, и оставшуюся без всадника лошадь один из солдат весь день вел в поводу, но это таинственное исчезновение и неизвестная судьба их товарища заставляла остальных солдат держать глаза широко открытыми – теперь они стали намного серьезнее опасаться военного искусства индейцев.

Глава X

Предательство Фонтани Салано и расплата за него

Еще одно таинственное происшествие той ночи было хорошо рассчитано на то, чтобы усилить удручающее действие первого и сменить чувство презрения, которое они прежде испытывали по отношению к индейцам, на глубокое уважение, смешанное со страхом. Фонтани Салано спал, завернувшись в свое одеяло, недалеко от лейтенанта, командовавшего отрядом, освещенный огнем бивачного костра. К утру все же костер почти погас и уже не давал света, поэтому место, где спал Салано, погрузилось в темноту.

Проснувшись при первых лучах зари, он был удивлен появлением нескольких странных предметов, торчавших в земле рядом с его головой. Он тщательно осмотрел их, и его удивление моментально сменилось ужасом, едва он понял, что это – семь окровавленных индейских стрел, воткнутых в землю, по три в каждой стороны и одна у макушки. Древко этой последней стрелы пронзало сердце недавно убитого оленя – знак столь ясный, что не понять его было невозможно.

Было совершенно понятно, что индейцы смогли проникнуть незамеченными в самую середину охраняемого лагеря, и это сделало их в глазах солдат существами, наделенными сверхъестественными способностями. Для Салано было яснее ясного, что это дело рук Коакучи. Понимание того, что он находился во власти человека, который легко мог бы отнять его жизнь и только играл с ним, как кошка с мышкой, чтобы ради своего удовольствия заставить его подольше помучиться, наполнило сердце негодея таким ужасом, что на него жалко было смотреть.

Он умолял лейтенанта Дугласа немедленно вернуться в Сент-Августин или по крайней мере отправить его туда под охраной. Офицер вежливо объяснил, что ни той, ни другой его просьбы он удовлетворить не может, потому что это противоречит приказу, предписывающему ему не оставлять эту местность, не убедившись в том, что индейцы ее покинули, и что он не может ослаблять свои и без того невеликие силы, выделяя людей для его сопровождения.

Этот человек показал себя таким трусом, что уже стал вызывать чувство презрения, а не жалости. Ральф Бойд предложил сопроводить его в город, и, к его удивлению, Салано с готовностью принял его предложение. Поскольку оба они были добровольцами, Дуглас не имел власти их удерживать, хотя и высказал свой протест, указав им на возможные опасности такого путешествия. Ральф Бойд в ответ на это только улыбнулся, и даже Салано дал понять, что верит в то, что индейцы слишком заняты наблюдением за передвижениями отряда, так что оставаться здесь означает подвергать себя большей опасности.

Лейтенант сказал, что должен переместить отряд на небольшое расстояние, в более удобное и безопасное для лагеря место, которое, как он знал, находится недалеко от плантации Бойда, за которым обещал присматривать особенно внимательно. Там он хотел оставаться до тех пор, пока не узнает что-то определенное о передвижениях индейцев, и Бойд обещал воссоединиться с ним на следующий день.

Лагерь был свернут, и горн звонко пропел сигнал «по коням», разбудивший утреннюю тишину, когда Бойд и Салано покинули лагерь и направились обратно в Сент-Августин. Ехали они в тишине – один из них слишком презирал другого, чтобы с ним заговаривать, а Салано обдумывал планы мести, целиком занимавшие его мысли.

Они не проехали и двух миль, когда оказались у узкой промоины, проехать по которой возможно было только лишь гуськом, и тут Салано, выставляя напоказ свою вежливость, отстал, предложив Бойду быть первым.

Тот, ничего не подозревая, проехал несколько шагов, а потом, не слыша за спиной звука шагов другой лошади, обернулся, чтобы посмотреть, почему тот не едет.

То, что он увидел, было настолько неожиданно и так ужасно, что на мгновение он лишился возможности не только действовать, но даже и думать. Салано, спешившись, медленно поднимал ружье, собираясь прицелиться в него. Он мог заметить выражение жестокого торжества на его смуглом лице. В то же мгновение он увидел и мелькнувшую фигуру с поднятой рукой, выскочившую из подлеска за спиной Салано. Потом все пропало.

Когда Ральф Бойд снова вернулся в этот мир, он лежал в тени дерева, рядом с ним две лошади щипали траву, а странная, непривычно выглядевшая фигура плескала воду ему в лицо.

– Что это значит? Что случилось? – слабым голосом спросил Бойд.

– Вот, каптан, – ответил незнакомец на языке, который явно был английским, прервав свое занятие и протяжно зевнув. – Я очень как рад, что ты живой. Инджун говорил мне, что нет, но сам я до этой минуты в это не верил. А было вот что. Я сам мала што понял, но было примерно так: какие-то краснокожие негодяи хотели со мной расправиться, когда появились вы и их остановили. Потом белый негодяй хотел разделаться с тобой, когда один из краснокожих негодяев его остановил, или, во всяком случае, что мог для этого сделать; а потом краснокожий негодяй разобрался с белым негодяем, и сделал это по полной.

На этой фразе Бойд снова закрыл глаза и, казалось, вот-вот провалится в беспамятство, когда странный человек снова стал энергично плескать воду ему в лицо.

В голове у молодого человека гудело, он чувствовал острую боль. Салано промахнулся совсем чуть-чуть, когда в момент выстрела услышал громкий крик прямо в ухо. В тот самый миг, когда он спускал курок, смертоносный нож Коакучи вонзился в его тело по самую рукоятку. Несостоявшийся убийца упал замертво, не издав ни звука, а жертва его отделалась содранной кожей на голове – рана не представляла опасности для жизни, но на некоторое время лишила его чувств.

Когда его силы восстановились настолько, что он смог сесть, и после того, как он выслушал рассказ о своем спасении, он с любопытством посмотрел на своего товарища и спросил его, кто он такой. Неудивительно было, что он не признал этого странного человека, потому что, хотя на нем и были армейские брюки, на ногах у него были индейские мокасины, голова

была непокрыта и он был обнажен по пояс. Половина его лица, как и половина тела, была выкрашена красной краской, другая половина – черной.

Так семинолы готовили к смерти свое тело, и для тех, кто знал смысл этого, сочетание этих цветов было недвусмысленным знаком. К счастью для его душевного спокойствия, он не понимал, что эта раскраска имеет к нему какое-то отношение, хотя в нем и поднимался страх того, что жизнь его находится в опасности.

В ответ на вопросы Ральфа Бойда он рассказал такую историю:

– Я не удивился, что ты меня не узнал, капитан, потому что я не уверен, что сам себя узнаю. В общем, кем бы я ни был сегодня, вчера я был рядовым Хью Белчером из отряда Б второго драгунского полка Соединенных Штатов.

– Как! – воскликнул Бойд, – так ты тот самый часовой, который пропал прошлой ночью?

– Он самый, сэр, – ответил тот, – даже если мой нынешний облик говорит, что это не так. Как краснокожие смогли пробраться мимо меня, а я не уловил ни звука, я сказать не могу, потому что всегда хвастал, что мой слух острее, чем у любого другого. Все же они как-то это сделали, и узнал я об этом только тогда, когда мне на голову набросили одеяло и меня самого повалили. Я не знал, сколько их было, но вполне достаточно, чтобы со мной быстро управиться – они связали меня и сунули кляп в рот, так что я не мог издать ни звука. Потом они сняли с меня сапоги, обули меня в мокасины и заставили идти вместе с собой.

Потом мы пришли к этому месту, и тут, как только рассвело, они раздели меня, раскрасили, привязали к дереву и приготовились высечь меня прутьями, которые тут же нарезали, хотя Господь знает, что я ничего такого не сделал, чтобы им насолить, когда вдруг показались вы с мистером Салано.

Я посмотрел в ту сторону и увидел, как мистер Салано соскочил с лошади и прицелился в тебя. Я хотел крикнуть, но у меня во рту все еще был кляп, поэтому не смог. Когда главный инджун увидел, что происходит, он проскочил через кусты и прыгнул на спину мистера Салано, как дикий кот. При этом он издал такой крик, что и мертвого мог бы разбудить. Когда он заорал, ружье выстрелило, и ты выпал из седла, как убитый.

Когда главный инджун это увидел, он сразу подбежал к тебе и перенес сюда. Потом он вернулся к мистеру Салано и наклонился над ним, словно желая увериться в том, что он мертв. Когда он снова выпрямился, то снова издал крик и сказал что-то на своем языке, упомянув Ал-Уи. Потом остальные столпились вокруг него, и он с минуту им о чем-то рассказывал.

Потом они вернулись ко мне, разрезали мои путы, и главный инджун, указав на тебя, сказал по-английски: «Ты свободен. Позаботься о нем. Он не умер. Скажи ему, что на сердце Коакучи больше нет тяжести. Он вернется к своему народу. Если он нужен солдатам, пусть они ищут его в болотах Окифеноки.» Потом, не сказав больше ни слова, они все пропали, а я занялся тобой.

Так, кровь за кровь, была отомщена смерть Ал-Уи, Высокого, и был смыт след удара со спину Коакучи кровью того, кто так глупо все это затеял. Так, кроме того, Коакучи спас жизнь своего друга и наказал несостоявшегося убийцу, решившего столь подло и трусливо отомстить Ральфу Бойду, таким образом отплатив ему за помощь индейцу.

Совершив свое возмездие, Коакучи и его воины пропали из этой части страны, и много месяцев их там никто не видел.

Глава

XI

Семинолы должны уйти

Семинолы должны были быть переселены. Голоса земельных спекулянтов, работоторговцев и прочих личностей, заинтересованных в том, чтобы изгнать индейцев из их домов, были, наконец, услышаны в Вашингтоне, и соответствующий закон увидел свет. Семинолов следо-

вало переселить далеко на запад – если, возможно, то мирными средствами, но с применением силы, если по-другому они не уйдут.

Был составлен новый договор, в соответствии с которым индейцы соглашались переехать в новые дома, выбранные для них, и предполагалось, что делегация вождей, посетивших эти земли, одобрительно о них выскажется. Они туда съездили, вернулись и сказали, что это холодные земли, где жизнь семинолов будет несчастной.

Услышав об этом, индейцы сказали, что они предпочитают остаться там, где живут. На это правительство Соединенных Штатов через своих представителей заявило, что не имеет никакого значения, хотят они уйти или нет: они должны уйти.

Тем временем негодяи всякого рода творили над индейцами всякие бесчинства. Продолжали пороть тех, кто, как это было с Коакучи, был пойман за пределами резервации. Несколько индейцев были засечены насмерть белыми подонками, в чьи трусливые руки они попали. Продолжались удержания денег и припасов, и беспомощных индейцев грабили со всех сторон.

Генерал Эндрю Джексон, ставший теперь президентом, индейцев не любил. В прежние годы он обращался с ними крайне жестоко, чтобы дать им понять, что такое сила белого человека. С этой же целью он назначил генерала Уили Томпсона из Джорджии агентом по делам семинолов, и приказал ему довершить их переселение на запад без дальнейших задержек. Кроме этого, он послал во Флориду войска, которые стали собираться в фортах Брук и Тампа Бэй под командованием генерала Клинка.

Было очевидно, что семинолы должны либо покинуть солнечную землю, на которой они родились, свои дома, могилы своих отцов, или же они должны сражаться за свою жизнь и право быть свободными людьми. Если же они уйдут на запад, на земли, которые их вожди и описали, как холодные и неплодородные, то, помимо этого, там им предстоит встретиться с их старыми и сильными врагами, криками, которые с нетерпением ждали, когда они придут туда, предвкушая возможность захватить их чернокожих союзников и продать их в рабство. Было очевидно, что, так или иначе, семинолам предстоит сражаться за свое существование, и выбор состоял лишь в том, где им сражаться – на своей земле, где им знакомо каждое болото, поляна и лес, и которой не знают их враги, или же в далекой стране, которая им совершенно незнакома, с врагами, которые хорошо там освоились.

Такой вопрос встал перед воинами из поселка Филипа Эматлы, собравшихся вокруг костра совета летним вечером несколько недель спустя после событий, с которых началась наша история.

Для Коакучи, сидевшего теперь на почетном месте справа от вождя, своего отца, и внимательно слушавшему говорящего, который излагал, как обстоят дела, прошедшая неделя была важнее нескольких лет. За это короткое время он стал из мальчика мужчиной. Направившись после смерти Салано в сторону Окифеноки, хотя его поселок находился в противоположной стороне, он до настоящего времени смог избежать любых встреч с белыми. Но из этого путешествия он вернулся столь мудрым и серьезным, что к его советам теперь прислушивались старшие воины, а воины его возраста и моложе безусловно считали его своим предводителем. Так что теперь он, хотя и был молод годами и по-прежнему почитал своего отца и подчинялся ему, все считали его вождем сильного клана Филипа Эматлы.

Поэтому именно говоривший, выслушать которого и был собран совет, все время смотрел на него, и именно к Коакучи были обращены его слова.

Говоривший был членом клана семинолов, известного как Батон Руж, или Красная Палка, занимавшего территорию на некотором расстоянии от земли Короля Филипа. Его отец, которого он никогда не знал, был белым, но мать его была дочерью вождя индейцев и, хотя он свободно говорил по-английски, все двадцать восемь лет своей жизни он прожил среди семинолов, и они были его народом. Хотя он не был вождем или даже заметным лидером, но показывал такую силу характера и внушительную внешность, что мог оказывать большое влияние

на индейцев, с которыми общался. Его имя было Ах-ха-си-о-ла (Черный Напиток), и белые произносили его имя как Оцеола, или же называли Пауэллом по имени его отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.